

Е.Н. БЕКАСОВА

*(Оренбургский государственный педагогический университет,
г. Оренбург, Россия)*

«ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ МОЁМ?»

Аннотация: В статье рассматриваются психолингвистические аспекты отбора и функционирования личного имени в условиях полиэтнического региона.

Ключевые слова: антропонимическая система, личное имя, тюркский и русский именники, психолингвистика.

Что в имени тебе моём? <...>
Но в день печали, в тишине,
Произнеси его тоскуя,
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я...
А.С. Пушкин [1959: 285]

Среди всех языковых явлений по степени слитности языка и его носителя наиболее значимо личное имя, в том числе и по выработанной веками традиции именования, изменения которой следуют сразу же за сменой идеологических вех, пристрастий, вкусов и привязанностей. Знаменитое пушкинское «*что в имени тебе моём?*» требует бесконечного ответа, который замкнётся на пушкинском же – это «*есть память обо мне*». Однако следует задаться вопросом «*Что в нём?*», чтобы определить современные реакции на имя.

В этой связи хотелось бы вспомнить знакомого тайванца – специалиста в области русской литературы, за пределами своей родины представляющегося просто Александром, в честь своего знаменитого тёзки, который для нас –

«это наше всё». Это и память, и желание приблизиться к русской культуре, и прочувствовать изнутри «русскость»...

Но более интересны обыденные реакции на имя обычных людей. Достаточно показательна в этом плане сценка в детской поликлинике: мама кормит трёхмесячную Машу, заходит маленький мальчик лет 2-х–3-х, и бабушка ему говорит: «Тенгизик, не кричи, видишь – Русланчик стит». Мама мальчика делает ей замечание: «Почему ты говоришь: «Русланчик стит». Это же не Русланчик». Бабушка сначала теряется, затем смеётся: «А Тенгизик больше других детей, кроме Русланчика, и не знает».

Ситуация высвечивает разные проблемы современной лингвистики. Во-первых, это древнейшая проблема номинации предмета, её условного характера и забвения бывшей мотивации. По мнению упомянутой бабушки, её внук отождествляет названия ‘грудной младенец’ и ‘Русланчик’. Вполне возможно, что это действительно так, хотя ребёнок в своей живой потребности познания мира и его описания через язык должен вырваться из круга, утверждённого бабушкой, и понять, что даже самые маленькие детки имеют разнообразные имена, как и окружающие люди. И здесь мы сталкиваемся с проблемой онтогенеза речи, которая, с одной стороны, позволяет нам заглянуть в становление человеческого языка, «практически воротиться к первым ступеням развития мысли» [Потебня 1958: 22], а с другой – проследить, как ребёнок усваивает язык, поскольку он «находит вокруг себя людей говорящих и готовый язык» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 64]. Ср. в этой связи справедливое утверждение относительно того, что «личное имя собственное представляет для ребенка самостоятельную область познания. Поначалу (в период раннего/младшего речевого онтогенеза) как своеобразные собственные имена в детской речи выступают слова-апеллятивы, называющие

самых близких ребенку людей (*мама, бабушка, папа, брат и др.*). Осознание того, что у каждого предмета существует *имя*, - пишет Т.А. Гридина, - еще не соотносится на данном этапе с разграничением категорий «общее» - «индивидуальное»; этот очевидный факт весьма показателен в том отношении, что имя собственное в детской речи – знак вторичный, обладающий особой функцией (в свете речевого онтогенеза может быть затронут и вопрос и о первичной семантике имен собственных в филогенезе) [Гридина 2014: 85].

Во-вторых, прослеживается становление определённой языковой картины мира через призму родного языка, поэтому для Тенгизика все маленькие детишки – Русланчики, а, например, для Ванечки – Алёшеньки. При этом знание русского языка как основного средства общения в нашей стране обуславливает уменьшительно-ласкательную форму личного имени по русской модели, так как тюркские имена не имеют подобных форм [Бекасова 2013 а].

Подобные столкновения национально-культурных феноменов личного имени – явление типичное в полиэтническом и поликонфессиональном регионе, к которому, безусловно, относится Оренбургская область, сохраняющая свою уникальность как евразийская зона контакта христианства и ислама, славянской и тюркской языковых групп. Длительные контакты проживающих вместе народов, использующих в качестве основного средства общения русский язык, определили общую ментальность, однако, как показывают наши опросы и исследования, именно антропонимические системы сохраняют национально-культурную специфику в условиях глобализации. Значимость личного имени как символа национальной идентичности особенно усилилась в современных условиях возрождения национального самосознания и приграничного статуса Оренбургского края.

Однако следует подчеркнуть, что русские и тюркские (с небольшими вариациями башкирского, татарского и казахского своеобразия) номенклатуры имён всегда сосуществовали достаточно обособленно. Это наблюдалось и в периоды официальной и неофициальной «русификации». В первом случае шла намеренная подмена тюркских имён русскими, когда, например, в одном из сёл Оренбургской области в паспорте *Ильяс* значится как *Николай*, *Карина* – *Катерина*, *Карлыга* – *Клавдия*. Произошёл разлом официального, «паспортного» и общепотребительного, известного близким имен, что, в общем-то, достаточно распространено в условиях функционирования официальных и уменьшительных русских антропонимов типа *Александр* – *Саша/Шура*, *Георгий* – *Жора*, *Елена* – *Алёна*, *Валентина* – *Тинка*. Такая мена возможна в семейном или дружеском общении имён типа *Нина* – *Зина*, *Денис* – *Костя* и под. Обычно за этим стоит определённая ситуация, закреплённая узкогрупповой традицией, где чаще всего сами носители, реже – окружающие – меняют официальное имя. Например, *Валерия* в 5 лет потребовала сменить своё имя на *Варвару* после просмотра фильма «Варвара-краса, длинная коса»; *Анастасия* с 3 лет в семье называется *Машей* за любовь к перемене мест для сна и еды (по ассоциации с народной сказкой про Машу и трёх медведей) и т.п.

Нередко сами носители в связи со сложностью произношения и запоминания заменяют тюркское имя русским, при этом имена могут частично совпадать по звуковому облику типа *Канатия*, *Камиль* – *Коля*, *Хатира* – *Катерина* или являться совершенно произвольными (*Айслу* ‘лунный свет’ – *Галя*).

Отдельные, всё реже встречающиеся случаи подобной «перелицовки» тюркских имён лишь подчёркивают невозможность симбиоза русского и тюркского именников, поскольку они характеризуются не только разными реестра-

ми личных имён, но и разными принципами их выбора и функционирования.

В частности, студентам оренбургских вузов (ОГПУ, ОГАУ, РГТЭУ) предлагалось выбрать по 20 понравившихся им мужских и женских имён в едином, по алфавиту расположенном списке тюркских и русских личных имён. В 84% случаев отбор происходил в соответствии с национальностью студента, и именники оказывались достаточно чётко отграниченными друг от друга. При этом наличие в своеобразной переходной зоне незначительного количества имён типа *Карина, Руслан, Линара, Аделя, Тимур, Алексей, Екатерина, Елена*, как правило, объясняется или благозвучностью имени, или тем, что его носит знакомый и приятный для респондента человек.

Для русского именника характерен весьма жёсткий отбор, особенно для мужских имён.

В частности, имена первой пятёрки (*Анастасия, Екатерина, Анна, Мария, Юлия*) носит 31% студенток филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета), тогда как 5 имён (*Александр, Владимир, Николай, Сергей, Виктор*), судя по производным от них отчества, составляют 68 %. Вследствие этого в одной из групп учатся шесть студенток по имени Настя, три из которых Анастасии Николаевны.

Для тюркских личных имён наличие тезоименитства, особенно для мужских имён, практически исключено, что обусловлено открытостью и высокой динамичностью тюркского именника. В этом отношении весьма показательны данные анкетирования, проводимые в течение 10 лет на филологическом факультете Оренбургского государственного педагогического университета: если для выбора русского имени решающим является его отантропонимическое значение, приобретённое от его носителя, мотивация в память или в честь кого-либо [Никонов 1970: 39,

41], то отбор тюркских имён, как правило, определяется критерием «нравится» / «не нравится», причём оценивается чаще всего благозвучность / неблагозвучность антропонима.

Такой подход значительно усиливает процессы имятворчества, которые обосновываются соответствующими традициями наречения. В частности, достаточно распространена практика созвучности женских имён детей, например: сёстры *Самира*, *Сания*; *Эльвира*, *Эльмира*; *Эльвира*, *Эльвина*. Такие семейные имена с тождественным звукорядом могут распространяться на всех детей, в том числе и мужского пола (*Венера* – *Венер*; *Айжан* – *Нуржан* – *Аржан*), или на всю семью (ср. своеобразный «перекрёстный звукоряд»: отец *Рахматулла* – мать *Рамиля*, сын *Рамиль* – дочь *Рахилия*). Однако для мужской части семьи более важной является семантика имени, ср.: *Алмаз* – *Гранит* – *Булат* – *Платин*; *Канатия* – *Мухамбет* – (пророки) и др.

О высокой степени лояльности тюркского именника свидетельствует свободное вхождение в него не только имён других именников (*Индира*, *Лиана*, *Диана*, *Лаура*, *Ленар*/*Линар* = ленинская армия, *Лемир*/*Лемира* = Ленин и мировая революция, *Дамир* - по одной из версий = да здравствует мир), но и свободное конструирование имени (мать *Замира*, дочь *Эльвира*, внучка *Зэльмира*, *Зэльвира, *Замфира, *Эльфира и т.п.). Такие особенности определяют гетерогенность трёхчастного официального именования, например: *Зарина Николаевна (Ильясовна) Ерманова*, *Мария Рашитовна Утеуолова* и под.

Ограниченность официального русского и открытость тюркского именников уравнивается наличием у русских имён большого количества производных уменьшительных форм, которых лишены тюркские имена. Однако тюркские имена, функционирующие в русскоязычной среде, принимают формы неофициальных имён по русским

моделям и охотно используются всеми оренбуржцами, например: *Эльмира* – *Эля* (*Элечка, Элька, Эльчик*), *Мира*, *Эльмировичка, Эльмирчик, Эльмирушка* и под. Такая своеобразная трансформация тюркского имени в русской форме показывает взаимодействие разных, но длительное время сосуществующих именников. Однако возможно и отторжение определённой модели русского имени, например, респондент с именем *Мария* (девушка названа так в честь героини известного сериала «Просто Мария») категорически возражает против именованья её *Машей*, соглашаясь на *Марьм, Марьямчик* и (для очень близких людей) на *Маришку*.

Основной критерий отбора имени как красивого, звучного, приятного на слух и разнообразие тюркского именника снижают значимость его прецедентности, что обуславливает его оценку со стороны других национальностей с точки зрения запоминаемости и благозвучности. Однако в Оренбуржье за последние 10 лет на фоне практически устоявшихся именованных татар и башкир значительно изменился реестр казахских имён. Это происходит как за счёт увеличения антропонимов, связанных с именами и эпитетами Аллаха и пророка Мухаммеда, а также его жён и дочерей, так и в результате возрождения старых казахских имён. В частности, наблюдается тенденция возродить редкие и забытые казахские имена типа женских *Уболсын* (пусть будет мальчик), *Балмекен* (разве это не мёд), *Ботагуз* (глаз верблюжонка), *Бульдерген* (клубника) и под. Такие имена даже в полиэтнической Оренбургской области воспринимаются как экзотика. Несомненно, такие «региональные антропонимические различия» [Бестужев-Лада 1970: 28] связаны с новым геополитическим положением Оренбургской области: соседство с Республикой Казахстан (протяжённость границы 1876 км.) усиливает процессы национальной идентификации и исламизации казахов. При

этом ряд достаточно редких и, как правило, не поддающихся «расшифровке» имён типа *Рсты*, *Завгар*, *Гадия*, *Трахтенгуль*, *Нафик* оцениваются, в том числе и самими носителями, как «странные», «непривычные», «сложные», «некрасивые», «неблагозвучные», с «неприятными ассоциациями» и под.

Многообразии тюркских имён ослабляет один из важнейших критериев оценки личного имени по его связи с конкретным человеком, что является весьма важным в определении статуса русского личного имени. Более 76% опрашиваемых студентов в первую тройку включают имена в соответствии со своим отношением к носителю принимаемого или отвергаемого имени, ср.: *Максим* – «любимый человек», *Алексей* – «тёплые, приятные воспоминания», *Егор* – «родное», *Константин* – «так звали папу», *Вадим* – «отец моего парня»; *Павел* – «очень хороший человек», *Надежда* – «любимая сестра» / *Евгений* – «неприятный человек», *Юлия* – «наглое слово», *Алина*, *Алиса*, *Лейла* – «детские обиды», *Светка* – «ассоциации с человеком, которого не люблю»; *Марина* – «плохо отношусь»; *Карина* – «моя бывшая» и др. В подтверждение распространённости такого восприятия имени достаточно привести ответы студентов на вопрос «Как бы Вы назвали своих детей?», когда 85% из 432 опрашиваемых при выборе имени руководствовались в основном его отантропонимическим значением, обусловленным знанием о носителе этого имени – родственнике или близком человеке.

Другими, менее значимыми критериями оценки имени становятся его звучание, определённые ассоциации (18%), реже – семантика (3%), например: *Александр* – «хорошо звучит», «сильное, звучное, величественное», *Михаил* – «доброе, уважительное», *Андрей*, *Дмитрий* – «мощно звучит, есть сочетание др», *Александра* – «красивое», *Полина* – «мягкое», «ласковое», *Богдан* – «редкое», «двухслож-

ное», «Богом данный», *Ангелина* – «имя похоже на ангела», *Лилия* – «красивое, в переводе с башкирского (!) цветок), *Анастасия*, *Екатерина* – «звучат» / *Виолетта*, *Маргарита*, *Иннокентий* – «не звучат», *Толик* – «краткое», *Иван*, *Аркадий* – «старые», *Лида* – «грубое», *Ирина*, *Зина* – «плохо звучит», *Нина* – «обычное», *Татьяна* – «надоедливое», *Константин* – «звучит как кость», *Петя* – «звучит как петух», *Вася* – «так зовут котов», *Зоя* – «так обычно зовут коров», *Галя* – «птица» и под. Реже имя оценивается за количество и качество уменьшительно-ласкательных, «кратких» форм (*Дарья*, *Екатерина*, *Вячеслав* и др.).

Как видно из ответов, реакции на личное имя весьма субъективны, поэтому достаточно распространённые имена могут оцениваться разными респондентами диаметрально противоположно: *Сергей* – «так звали родного брата, в честь которого назову сына» и «плохое имя, его носит неприятный человек»; *Ирина* – «лучшая подруга» и «старые плохие воспоминания»; *Иван*, *Матвей* – «старое, редкое, мощное» и «старое, непопулярное, устаревшее»; *Дарья* – «форма очень нравится: *Даша*, *Дарёнка*» и «нет мощи и силы»; *Наталья* – «легко запоминается, по душе», «звучит» и «дурная подруга» и под.

Ослабление семантики личного имени и его слитность с образом конкретного человека обуславливает определённое «сужение» и без того ограниченной базы активных русских имён, поскольку для респондента негативное отношение к одной *Анастасии* или одному *Игорю* влечёт за собой не только неприятие данного имени, но и всех Анастасий и Игорей. К сожалению, в ответах не было ни одной реакции на личное имя как прецедентное, в том числе и со стороны студентов филологического факультета. Можно предположить, что в этом случае в когнитивной базе респондентов либо отсутствуют представления о «широко известных текстах» и «прецедентных ситуациях» [Захаренко,

Красных 1997: 83], либо неразделимость в сознании студентов конкретного, им известного денотата и имени затрудняют реализацию представлений о прецедентных феноменах. Но в любом случае тонкое чувствование имени – от семантически концептуальных имён классицизма типа фонвизинского *Митрофанушки*, от впервые своеобразно освятившего страницы романа имени *Татьяны* до совершенной идиосинкразии Ивана Бунина к выбранному первоначально его родителями имени *Филипп* – современными студентами утрачено. Потеря национально-культурного кода приводит к сиюминутным пристрастиям и полному забвению того, что имя даётся на всю жизнь. В частности, в 2004 г. в одном из сёл Оренбургской области три новорождённых получили имя *Ленур* за благозвучность (*Ленур/Ленура – Ленин учредил революцию или Ленину ура*), а в другом – четыре мальчика стали *Данилками* («в честь Верки Сердючки» – по фамилии артиста Данилко) [Бекасова 2013 б)].

На наш взгляд, с этим связана выявленная в ходе анкетирования студентов оренбургских вузов определённая напряжённость в антропонимической сфере, что выливается в агрессивное неприятие целого ряда имён. Как правило, такая тенденция наблюдается в сложившихся коллективах студентов последних курсов, переживших какие-либо конфликты, связанные с межличностными отношениями. В этом случае негативные последствия распространяются не только на носителя имени, но и на само имя и соответствующий именной. В частности, студенты одного курса практически единогласно отвергают имя *Иван*, *Ростислав* и другие двусложные имена как неблагозвучные, старые, связанные с неприятием их носителей – студентов того же курса. С другой стороны, 78% респондентов отвергают имена типа *Нургиза*, *Гудьзада* как вызывающие неприятные ассоциации, трудно произносимые, что также связано

с конфликтами с носителями этих имён. Следует отметить, что такую позицию занимает большинство студентов, независимо от их национальности. Однако в перечне имён «отрицательных» 96% студентов назвали имена, не характерные для коренных жителей Оренбуржья (русских, татар, башкир, казахов). Этот перечень имён (в основном азербайджанских, армянских, чеченских, таджикских и некоторых др.) информанты сопровождают пометой – «неприятные», «плохо звучат», «такое имя носит неприятный (плохой) человек». В этом случае имя становится своеобразным маркёром назревающего конфликта с представителями других национальностей, появившихся на территории Оренбургской области в последние годы. Межэтнические трения в этом случае приводят к заявлениям о том, что «в России следует запретить нерусские имена» (7%), хотя при этом респонденты не всегда имеют чёткое представление о русском имени. Первое поле битвы – имя человека – влечёт за собой битвы национальные. Следует отметить, что связь «испорченного имени» и его носителя срабатывает практически сразу, о чём свидетельствуют результаты анкетирования, совпавшего по времени с озвучиванием в СМИ имён террористов, которые сразу же были занесены в список имён, неприемлемых для респондентов [Бекасова 2014].

В этих условиях усиливается ответственность каждого за собственное имя, что не позволит распространить индивидуально-личное негативное отношение на выработанную веками традицию народа, воплощённую в имени. С другой стороны сужение, а в ряде случаев утрата культурно-исторического фона купирует бесспорную прецедентность имени, которая поддерживается в ряде случаев только психолингвистической сущностью личного имени, за которым для большинства людей стоит конкретный человек. Пушкинское «Что в имени тебе моём?», «Что в

нём?» остаётся одновременно и вопросом и ответом. И уроком нам, как выбирать имя и жить с ним, чтобы в нём сохранилась память о том, кого уже нет.

ЛИТЕРАТУРА

Бекасова Е.Н. а) Процессы интерференции в оренбургских прозвищах как отражение поликультурной среды // Этнокультурный и межконфессиональный диалог в Урало-Поволжском полиэтническом пространстве: исторический опыт и современность. Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013. С. 212–216.

Бекасова Е.Н. б) Традиции и инновации в современных антропонимичных системах (по данным русского и тюркского именников) // Судьбы национальных культур в условиях глобализации: сборник материалов II Международной научной конференции. Челябинск, 4–5 апреля 2013 г. / под ред. В.Г. Будькиной. Т. 1. Челябинск: Энциклопедия, 2013. С. 56 – 58.

Бекасова Е.Н. К проблеме коннотации антропонима в условиях полиэтнического региона // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире // Международная конференция (Москва 16–19 сентября 2014 г.); Доклады и сообщения /Отв. А.Н. Биткеева, В.Ю. Михальченко; Институт языкознания РАН, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям. М.: ТЕЗАУРУС – Языки Народов Мира, 2014. С. 256–261.

Бестужев-Лада И.В. Исторические тенденции развития антропонимов // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем: Проблемы антропонимики / Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. М.: Наука, 1970. С. 24–33.

Бодуэн де Куртене И.А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке // Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Гридина Т.А. «Эльбом для Эли»: личное имя собственное в языковом сознании ребенка // Вопросы ономастики. - 2014. - №1 (16). С.84 - 96.

Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов. Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: «Филология», 1997. Вып. 1. С. 82–103.

Никонов В.А. Задачи и методы антропонимики // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем: Проблемы антропонимики / Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. М.: Наука, 1970. С. 33–56.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М.: Госучпедгиз Министерства просвещения РСФСР, 1958. С. 22.

Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах / Под общей редакцией Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В. Виноградова и Ю. Г. Оксмана. Т. 2. М.: ГИХЛ, 1959.

©Бекасова Е.Н., 2014